

стических регионов России. Однако для реализации рекреационного потенциала этого уникального региона необходимо создание оптимальной туристско-рекреационной инфраструктуры и прежде всего продуманной, рациональной системы средств размещения туристов.

УДК 658.01

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ РАЙОНА КОЛЫВАНИ

О.Ю. Лазунина, В.Н. Ильин

Ключевые слова: Горная Колывань, туризм, рекреационные объекты.

В стратегии устойчивого развития и сохранения природной среды для человека важное место отведено сохранению природных резервов с отображением деятельности людей, снижением антропогенного пресса на экосистемы. Главная цель организации особо охраняемых природных территорий (ООПТ) – обеспечить биоразнообразие конкретных регионов Земли.

В связи с выполнением фондом дикой природы (WWF) глобального проекта по созданию сети экорегионов на всех континентах, образование новых ООПТ приобретает не только региональное, но и общепланетарное значение. Одной из территорий, требующей охраны природных и историко-культурных объектов, является Колывань. Далекая от культурных центров Колывань по праву считается «жемчужиной» сибирских окраин России. Культурное наследие Колывани включает в себя памятники культуры начального (демидовского) периода (начало XVIII в.), «серебряного» периода (середина-конец XVIII в.) и «камнерезного» периода (XIX–XX вв.) [1].

Горной Колыванью принято считать низкогорный массив, расположенный на юго-западе Алтайского края, ограниченный с севера и запада предгорными сте-

Библиографический список

1. Проект многофункционального туристско-рекреационного комплекса круглогодичного действия «Манжерок». – М., 2005.
2. План-проект туристско-рекреационного комплекса «Алтайская долина». – М., 2007.
3. [Электронный ресурс] // www.bkatun.ru

пями. Ориентирами здесь являются село Колывань, Колыванское озеро, город Змеиногорск. Здесь невелико антропогенное воздействие. Богатая флора и фауна имеют экологическую ценность.

Разнообразие природных комплексов, наличие памятников природы придает рекреационную ценность этой территории. Удивительные по красоте формы рельефа скал-останцев в сочетании с черневыми лесами привлекают сюда туристов. Красивейшие озера: Белое, Моховое, Колыванское являются памятниками природы и известны как в крае, так и за его пределами.

Наряду с природными особенностями Колывань обладает богатой историей. Здесь происходило зарождение горного дела в Западной Сибири. Был построен медеплавильный завод и камнерезная фабрика; строились пограничные укрепленные поселения; это одно из первых мест переселения русских в Сибирь.

Начальный этап развития Колывани связан с демидовскими предприятиями на Алтае. В 1717 г., как утверждают исторические документы, томские рудознатцы Степан Костылев и Федор Комар, идущие по следам древних металлургов, сообщили сибирскому губернатору об открытии богатых месторождений серебряных и медных руд в северо-западных предгорьях Алтая [2].

Узнав об открытиях Костылева и его сотоварищей, сибирскими рудами заинтересовался крупнейший в то время уральский промышленник А. Демидов. В 1723 г. он посылает своих приказчиков в предгорья Алтая. В 1724 г. найдены богатые месторождения медных руд в сильно выветренных породах на г. Синюхе, близ озера Колыванского и других местах.

В течение нескольких лет после первой выплавки меди открыты: Змеиногорский серебряный рудник (1736 г.), Барнаульский завод (1739), а также Шульбинский завод (1744). Образовавшийся Колывано-Воскресенский округ охватывал обширную территорию, включавшую в себя современные Алтайский край, Восточно-Казахстанскую область, а также часть Семипалатинской, Новосибирской и Кемеровской областей.

Длительный этап истории Колывани связан с обработкой поделочного камня – всемирно известной ревневской яшмы, коргонского фиолетового порфира, белоречита. Мировую известность имеет Царница ваз, которая находится в Эрмитаже.

Первые сведения о находке на Алтае поделочных камней относятся к 1730–1740 гг., когда в процессе поисков серебряных и медных руд были отмечены цветные мраморы, яшмы и опал. В конце XVIII в. открыты важнейшие месторождения поделочных камней Алтая, принесшие ему мировую славу: Коргонское, Ревневское, Белорецкое и Гольцовское.

Ревневское месторождение зеленоволнистых яшм (роговиков) стало известно в 1789 г. Год открытия Белорецкого месторождения неизвестен, предположительно 1787–1790 гг. Гольцовское месторождение открыто, по-видимому, в 1796 г.

Всего в конце XVIII – начале XIX в. на Алтае выявлено порядка 350 месторождений и проявлений цветных камней, составивших достаточную сырьевую базу развивающейся камнерезной промышленности.

Разнообразие природных объектов в сочетании с памятниками горнозавод-

ского и камнерезного дела, освещающими историю освоения русскими людьми этих мест, создает необходимую основу для проведения отдыха и туризма [1].

Самодействительность, самоцветность алтайских камней была подтверждена в 1786 г. Весной этого года к верховьям больших и малых алтайских рек из Колывани, Змеиногорска, Барнаула и Локтя направились девять поисковых партий. Два имени с тех пор прочно вписались в историю Алтая: Петр Шангин и Филипп Риддер. Именем последнего позже был назван поселок, рудник. Но, несмотря на то, что фамилии Шангина нет на географической карте края, результаты его маршрута вверх по Чарышу, Коргону, Хаир-Кумину не утратили значения по сей день. Им открыто всемирно известное Коргонское месторождение порфиритов.

Коргонские камни привлекли Петра Шангина необыкновенным множеством оттенков: от светло-серого до темнобагрового. Рисунок их, то равномернопятнистый, то струисто-полосчатый, созданный, казалось, небрежным воображением природы, лучше всего убеждал – алтайские камни самоцветны.

Разнообразие их подтвердила находка Риддером пятнистой розовой брекчии, она так и названа – риддерской. Неподобность на все другие камни России доказывали первые же образцы ревневской зеленоволнистой яшмы, доставленной в Локоть Кузинским в 1789 г.

Но не разноцветные камни стали тем материалом, из которого были сделаны первые алтайские вазы. Они были сработаны из черного локтевского порфира в то время, когда поисковые партии шли вдоль утесистых берегов к высокогорьям. Локтевский порфир находился рядом с заводом и потому первым оказался в руках петергофского камнедельного мастера Петра Бакланова, прибывшего на Алтай налаживать камнерезное дело. Именно этот мастер, появившись на Алтае 200 лет назад, начал приобщать молодых алтайских мастеровых к культуре обработки камня, едва не утраченной на Руси

в результате нашествия татаро-монголов и возрожденной стараниями Петра I.

На Локтевском заводе встретил петергофский камнерез юного Филиппа Стрижкова. Им недолго пришлось быть рядом, в 1791 г. Бакланов умер, но и пяти лет ежедневного общения с настоящим камнерезом было достаточно для талантливого сибиряка, чтобы его «по смерти мастера из Петергофа» назначили главным на Локтевской шлифовальной мельнице [3].

Об этом лучше судить, проходя по залам Павловского дворца-музея, по анфиладам Эрмитажа, где среди жемчужин мирового искусства находятся вазы, торшеры, чаши, колонны, сделанные алтайскими камнерезами. В парадной библиотеке в Павловском дворце есть две небольшие чаши из риддерской брекчии. Они сделаны в 1794 г. Стрижков сам доставлял их в Петербург, сам представлял чиновникам царского кабинета результат не ручной, а машинной обработки камня. Камнерезная машина – его детище, его изобретение – ускорила обработку камня в десять раз. Технические способности в этом мастере-самородке удивительно гармонично сочетались с чутьем художника. Именно поэтому Стрижков хорошо понимал замыслы столичных архитекторов Кваренги, Росси, Воронихина, по рисункам которых вытачивались вазы, чаши, канделябры.

Изделия предшественницы Колывани – Локтевской шлифовальной мельницы – были невелики по размерам. Его вазы высотой не более метра, мелкие настольные украшения, столовые доски, детали дарохранилищ, но в них отразилась настойчивость русских рабочих в овладении совершенно необычным для Сибири ремеслом [4].

Локоть – это камнерезное предисловие в Колывани. В конце XVIII в. завод потерял свое сереброплавильное значение и был закрыт, а строительство новой камнерезной фабрики ниже старой плотины дало колыбели горнорудного дела на Алтае второе дыхание [1].

Колыванская камнерезная фабрика была построена в 1802 г. Филиппом Ва-

сильевичем Стрижковым. К тому времени это был уже зрелый 33-летний мастер. Здание фабрики существует до сих пор, оно не претерпело никаких существенных перестроек, так же как и свидетельница демидовских деяний – первая на Алтае плотина. Водяное колесо привело в движение камнерезные машины Филиппа Стрижкова. По сравнению с другими российскими камнерезными фабриками того времени – Петергофской и Екатеринбургской – был сделан своеобразный шаг вперед, так как Колывань настраивалась работать над крупными вещами, и в этом равных ей не было.

Вазы из алтайских самоцветов вошли не только в историю русского декоративно-прикладного искусства. Некоторые из них связаны с историей дипломатии. В этом смысле чрезвычайно любопытна судьба квадратной чаши из коргонского порфира. Чаша была закончена в 1806 г. В столицу ее сопровождал отдельщик Яков Протопопов. Везли чашу почти полгода, а когда она появилась в столице и была представлена Александру I, то он решил, что эта чаша может быть достойным ответным подарком на французские фарфоровые вазы, подаренные ему Наполеоном I после заключения Тильзитского мира. Сопровождал царский подарок в Париж колыванский мастеровой человек Яков Протопопов. Колыванский мастер вернулся только в 1809 г., когда его уже не ждали ни жена, ни начальство. Но путешественник был жив, здоров, бодр, и, начиная рассказ о своей встрече с Наполеоном, говаривал: «А вот у меня в Париже...». Фраза не исчезла, и то место в поселке, где жил отдельщик Протопопов, так и зовется до сих пор Парижем.

История этой вещи интересна еще тем, что у чаши есть три сестры. Две пропали без вести, след их потерян, но одна осталась в России и находится сейчас в Эрмитаже.

Там же хранятся и удивительные не только по красоте, но и по размерам круглая чаша на химерах из коргонского порфира, работа 1810 г., и чаша эллиптической формы из зелено-волнистой ревнев-

ской яшмы. Ее привезли в Петербург в 1819 г.

Но самая крупная, может быть даже в мире, чаша, которую часто называют Царицей ваз, вырезана из цельного монолита значительно позже.

Посетивший Колывань в 1828 г. штаб-лекарь Брыков записал свои впечатления и опубликовал их в Петербурге через три года. Вот что он пишет: «Здесь (на фабрике) видели мы собрание разного сорта моделей с резьбою; между прочим, алебастровую модель овальной чаши, которая будет семь аршин в длинном своем диаметре, а камень, из коего она будет готовляться, есть зелено-волнистая яшма, и имеет девять аршин длины...».

Если бы Брыков приехал в Колывань десять лет спустя после первого визита, то он все еще не застал бы чашу готовой. Ему пришлось бы ждать еще не один год. Над Царицей ваз Колывань работала 15 лет.

Колыванские изделия, большие и малые, разошлись по белу свету. Несколько вещей подарено монаршими руками в XIX в. и теперь находятся в Турции, Японии, Швеции. Колыванские изделия из музеев Санкт-Петербурга и его пригородов экспонируются на всемирных выставках в Париже, Чикаго, Лондоне и Вене.

Их не раз заслуженно отмечали дипломами и медалями.

К сожалению, не все еще известно о тех изделиях алтайских камнерезов, что находятся у нас в стране, но по каким-то причинам не попали в музейные собрания. Долгое время не было известно ни одной вещи, подписанной Михаилом Лаулиным. Так и считали искусствоведы, что этот последователь Филиппа Стрижкова, умершего в 1811 г., не оставил своего имени на камне. Но вот в потоке вещей, поступавших в Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке в Москве, появилась ваза из нежно-розового белорецкого кварцита. Камнерезы прошлого века называли его агатом, он найден подле Белорецкого форпоста в 1806 г. Камень этот неповторим, его не спутаешь ни с каким другим – он именно

алтайский. На плинте вазы подпись: «Колыванская шлифовальная фабрика, 1825 год, мастер М. Лаулин».

Не все крупные чаши и вазы известны широко по той причине, что они с некоторых пор перестали быть достоянием музеев. Так случилось с двумя вазами из ревневской яшмы 1836 г. Они оказались в Ленинградском Доме ученых (бывшем дворце князя Юсупова). Две чаши работы 1856 и 1857 гг. переехали в Москву при организации Румянцевского музея в 1862 г. А в 1921 г. после расформирования музея, когда все его здание было полностью отдано под книжное собрание, колыванские чаши остались при библиотеке. В настоящее время они украшают вход в диссертационный зал Государственной библиотеки имени В.И. Ленина (бывший дом Пашкова).

Еще менее известна овальная чаша из коргонского порфира, установленная в сквере Ленинградского Дома пионеров. А ведь у нее любопытное прошлое. Чаша в 1861 г. гостила в Лондоне, и весьма успешно, – вернулась бронзовым призером выставки.

История Колывани камнерезной, ее изделий, ее мастеров еще не предстала перед нами полностью. Она тем более интересна для изучения, что в Колывани сейчас возрождаются камнерезные традиции.

Был период в первые советские годы, в годы послевоенные, когда Колывань работала только над техническими изделиями, которые выпускаются также и в настоящее время.

Если вчитаться в историю завода внимательней, то обнаружится, что с первых дней существования ремесла камнерезов на Алтае были мастера, которые работали исключительно над предметами мелкой пластики: перстнями, камнями, печатями. Последних в Колывани было вырезано великое множество, они разошлись от Петербурга до Нерчинска, оттисками колыванских печатей помечены многие архивные документы страны.

До нас почти не дошли колыванские антики: инталы и камеи. О том, что они

вырезались на дореволюционной фабрике, говорят архивные материалы.

Во второй половине XIX в. камнерезы Колывани немало работали над анималистическими скульптурами малых размеров [1]. Местонахождение этих вещей не известно, но тем не менее документы свидетельствуют: умели на Алтае художественно осмыслить камень, создавая не только традиционные крупные вазы и чаши. Так что Колывани есть к чему возвращаться, и очень важно, что первые шаги в этом направлении сделаны.

Активное возрождение камнерезного искусства Алтая началось с 1975 г., когда ЦК КПСС принял постановление «О народных художественных промыслах». Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств организовал выставку «Камнерезное искусство Алтая», посвященную 175-летию камнерезного завода. Экспонаты – участники выставки – были привезены из Эрмитажа, из Павловского дворца-музея. На материале выставки была организована конференция, где была высказана мысль о необходимости возрождения уникального промысла. Первым заказчиком завода стал музей. Три вазы выполнили старые мастера-камнерезы для музея по образцам произведений, находящихся в Павловском дворце-музее. Как символ возрождения промысла у въезда в поселок Колывань была установлена еще одна ваза. Художники и мастера завода А.Ф. Усов, С.В. Плюхин, В.В. Ильин, В.Г. Петров, В.В. Сапрыкин, А.А. Дербенев, О.В. Демидов многое сделали для развития алтайского камнерезного искусства. Над созданием вазы, посвященной 250-летию Барнаула, работали художники и архитекторы краевого центра – член СХ СССР художник-монументалист Г. Алексеев, архитекторы С. Зенков, А. Шимин, москвичи – народный художник РСФСР М.М. Тараев, заслуженные художники РСФСР Л.Н. Уртаева, С.М. Буданов. По их проектам колыванские камнерезы выполнили вазы «Орденская», «Возрождение», «Колывань», представленные на республиканских и всесоюзных выставках. Художественная про-

дукция завода органично вошла в интерьеры общественных зданий. Панно, выполненные в технике «флорентийская мозаика», украсили здание Барнаульского речного вокзала, фойе Дворца культуры моторостроителей.

У коллектива завода – большие творческие планы. Полным ходом идет реконструкция завода. В 1986 г. введен в эксплуатацию новый большой цех с современным технологическим оборудованием. Это хорошая база для дальнейшего развития камнерезного искусства. Сегодня и в перспективе актуальным для завода является стабильный социальный заказ на выполнение художественных и уникальных изделий из цветных камней Алтая.

По новым вазам можно судить, что не оскудели Алтайские горы самоцветным камнем, богат край мастерами, способными оживить редчайшие по красоте алтайские яшмы и порфиры и, как выражались старые камнерезы, «придать камню лицо»!

Главная ценность рекреационных ресурсов Колывани заключается в том, что здесь имеются предпосылки для развития туристско-экскурсионной деятельности. Из различных видов рекреационной деятельности в Горной Колывани наиболее перспективными являются оздоровительная и экскурсионно-познавательная. Возможны, но менее перспективны спортивный и промысловый виды рекреации. Говоря о туристских маршрутах Колывани, нужно сказать о Змеиногорске, в котором имеется много культурно-исторических мест (заводской пруд, Екатерининская шахта, завод).

К наиболее известным рекреационным объектам Колывани относятся: колыванская шлифовальная фабрика, заводской пруд; территория крепости Колывано-Воскресенского завода; колыванский рудник; г. Змеиногорск, Змеиногорский рудник; ревневская каменоломня, Белорецкое, Гольцовское месторождение; гора Ревнюха, гора Синюха; озера Белое, Колыванское, Моховое.

В настоящее время по постановлению администрации Алтайского края проектируется природный парк «Колывань». Этому способствовала и работа сотрудников Алтайского государственного технического университета по исследованию территории Колывани. Так, в 2000 г. подготовлена концепция организации природного парка «Колывань», в которой отражены вопросы по созданию ООПТ и возможности рекреационной деятельности. Задачи природного парка:

- сохранение и восстановление ландшафтов, характерного растительного и животного мира, объектов неживой природы, памятников истории для использования их в рекреационных, просветительских, культурных и научных целях;
- создание условий для длительного и кратковременного отдыха, туризма, ознакомление с природой и историческими памятниками в соответствии с рекреационной емкостью территории и функциональным назначением ее частей;
- восстановление природных территорий, нарушенных в результате антропогенного воздействия;
- обеспечение установленного режима и охраны на территории парка;
- проведение комплексных мероприятий, экспериментальных и научно-исследовательских работ по изучению биоэкологических систем и выявлению закономерностей развития природных комплексов;
- создание базы для проведения практики учащимся и студентам природоохранных отделений техникумов и факультетов вузов сибирского региона;
- изучение природно-антропогенных геосистем, прогнозирования их дальнейшего развития.

На территории природного парка устанавливается определенный режим

пользования в соответствии с различной функциональной значимостью отдельных частей парка. Функции зон:

заповедная зона – это сохранность генфонда редких и исчезающих видов, проведение научных исследований и т.д., поэтому здесь запрещается любая деятельность человека, приводящая к нарушению естественной природной среды – охота, рыболовство, сенокошение, пастьба скота, рубки леса, устройство лагерей и т.д. Посещение заповедной зоны допускается с разрешения администрации парка и только для проведения научно-исследовательских работ; рекреационная зона имеет функцию культурно-просветительскую и активного отдыха.

Здесь разрешается создание необходимых условий для организации отдыха (строительство зданий, линий электропередач, телефонной связи и т.д.), но с сохранением естественных ландшафтов.

Многофункциональная зона обладает многоцелевыми функциями и допускает регулируемую пастьбу скота, охоту по лицензиям, регламентированное использование лесных ресурсов, выборочных и рубок ухода.

Таким образом, в ближайшие годы Колывань может стать крупным туристско-рекреационным центром России, основанием чему в значительной мере служит культурно-историческое наследие.

Библиографический список

1. Колывань: история, культура и искусство Сибирской провинции России. 1728–1998. – Барнаул, 1998.
2. Родионов, О.А. Алтайский клондайк / О.А. Родионов // Змеиногорский вестник. – 2004. – №3.
3. Усыскин, Г. С. Познание героической истории страны в процессе туристско-экскурсионной деятельности: опыт и традиции / Г.С. Усыскин. – М., 2003.
4. Тимуров, А.С. Городские будни / А.С. Тимуров // Змеиногорский вестник. – 2003. – №12.